

Е. А. Коваль¹, А. А. Сычев², Н. В. Жадунова³

¹ *Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Саранск, Россия), e-mail: nwifesc@yandex.ru*

² *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: sychevaa@mail.ru*

³ *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: zhadunovan@mail.ru*

Нормотворческие перевороты: право, мораль, религия

Введение. Появление социальных норм, как правило, описывается как стихийный объективно обусловленный процесс. Однако нормотворческий подход к исследованию обозначенной проблемы позволяет получить принципиально новую оптику социально-философских исследований нормативности. Целью данной статьи является анализ положения различных нормативных регуляторов (право, мораль, религия) в ценностно-нормативной иерархии, обусловленного нормотворческой деятельностью индивидуальных и коллективных субъектов. **Материалы и методы.** Теоретико-методологическим основанием исследования является системный подход, позволяющий рассмотреть право, мораль и религию как элементы единого ценностно-нормативного пространства. Для концептуализации нормотворческих переворотов используется модель социального воображаемого в интерпретации К. Касториадиса и Ч. Тейлора. **Результаты исследования.** Описаны три нормотворческих переворота, обозначенных как моральный, религиозный и правовой, каждый из которых характеризуется приоритетом соответствующего нормативного регулятора. Моральному перевороту предшествовал этап зарождения социальных норм и первичного социального воображаемого, характеризующийся приоритетом группы. Моральный переворот знаменуется интериоризацией внешних норм в индивидуальное сознание и обособления моральных норм от иных социальных нормативных регуляторов, которые не дифференцировались в синкретичном сознании архаичного человека. Для религиозного переворота характерны иные субъекты нормотворчества (Бог, соборы, епископы и др.), переключение в ценностной иерархии с индивида на группу, формирование нового типа социального воображаемого. Правовой переворот, повлекший за собой определенную степень юридизации морали и религии, связан с развитием в социальном воображаемом идей прав человека, справедливости, равенства, характеризуется приоритетом интересов индивида и расширением круга субъектов нормотворчества, хотя их степень участия в нормотворческой деятельности может существенно дифференцироваться. **Обсуждение и заключение.** Вероятно, очередной нормотворческий переворот уже начался, однако осознать в полной мере его специфику можно будет только по прошествии определенного времени. Вероятнее всего, в центре социального воображаемого вновь окажется группа, потеснив индивида на периферию ценностно-нормативного пространства.

© Коваль Е. А., Сычев А. А., Жадунова Н. В., 2021

Ключевые слова: нормотворчество, нормотворческий переворот, социальное воображаемое, синкретизм, мораль, религия, право, индивид, группа.

Благодарность: Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-011-00082).

Для цитирования: Коваль Е. А., Сычев А. А., Жадунова Н. В. Нормотворческие перевороты: право, мораль, религия // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2021. – Т. 21. – № 1. – С. 63–77. DOI: 10.15507/2078-9823.53.021.202101.063-077.

Ekaterina A. Koval¹, Andrey A. Sychev², Natalya V. Zhadunova³

¹Middle-Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (Saransk, Russia), e-mail: nwifesc@yandex.ru

²National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), e-mail: sychevaa@mail.ru

³National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), e-mail: zhadunovan@mail.ru

Revolutions in Norm-Creating: Law, Morality, Religion

Introduction. The emergence of social norms is usually described as a spontaneous, objectively conditioned process. However, the norm-creating approach to the study of the indicated problem allows obtaining a fundamentally new optics of socio-philosophical studies of normativity. The purpose of this article is to analyze the position of various normative regulators (law, morality, religion) in the value-normative hierarchy, conditioned by the rule-making activity of individual and collective subjects. **Materials and Methods.** The theoretical and methodological basis of the study is a systematic approach that allows considering law, morality and religion as elements of a single value-normative space. To conceptualize norm-making revolutions, the model of the social imaginary in the interpretation of C. Castoriadis and Ch. Taylor is used. **Results.** Three norm-creating revolutions are described: moral, religious and legal, each of which is characterized by the priority of the corresponding normative regulator. The moral stage was preceded by the stage of the emergence of social norms and the primary social imaginary, characterized by the priority of the group. The moral revolution was marked by the internalization of external norms into individual consciousness and the isolation of moral norms from other social normative regulators (that had not been differentiated in the syncretic consciousness of an archaic person). A religious revolution is characterized by other subjects of rule-making (God, Councils, bishops, etc.), the switch in the value hierarchy from an individual to a group, the formation of a new type of social imaginary. A legal revolution, which entailed a certain degree of legalization of morality and religion, is associated with the development of the ideas of human rights, justice, equality in the social imaginary. It is characterized by the priority of the individual interests and the expansion of the circle of subjects of norm-creating, although their degree of participation in norm-making activities can be significantly differentiated. **Discussion and Conclusion.** Probably, the next norm-creating revolution has already begun, but it is not yet possible to fully understand its specifics. Most likely, the group again will occupy the center of the social imaginary, pushing the individual to the periphery of the value-normative space.

Keywords: norm creation, norm-creating revolution, social imaginary, syncretism, morality, religion, law, individual, group.

Acknowledgment: The research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 19-011-00082).

For citation: Koval E. A., Sychev A. A., Zhadunova N. V. Revolutions in norm-creating: law, morality, religion. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2021; 21(1): 63–77 (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.053.021.202101.063-077.

Введение

Возникновение социальных норм традиционно описывается как стихийный процесс, обусловленный объективными причинами: экономическими, технологическими и т. д. Возможен, однако, и другой подход к нормообразованию, в рамках которого нормы рассматриваются как результат творческой деятельности различных субъектов: индивидов, общностей, социальных групп, человечества в целом. Такой подход позволяет найти новые ракурсы рассмотрения социальных норм, их соотношения и воспроизводства.

Общий социально-философский анализ динамики нормотворческого процесса позволяет выделить отдельные этапы социального развития, которые определяются, во-первых, изменением ценностно-нормативной иерархии внутри системы социальных норм и, во-вторых, циклической сменой характеристик субъекта, на благо которого «работают» нормы (индивид или коллектив). Как будет показано ниже, каждый из этих этапов характеризуется особенностями нормотворческой деятельности (меняются субъекты, их мотивы и цели, нормы, социальное воображаемое).

Период перехода от биологических способов регуляции взаимодействия к социальному упорядочиванию можно обозначить как этап зарождения норм как таковых. Предполагается, что социальные нормы возникали стихийно, спонтанно и имели синкретический характер. Позже, с усложнением социальной реальности и форм взаимодействия внутри нее, потребовались особые нормы для регуляции массового поведения: моральные, религиозные, правовые и т. д. Как пишет О. Г. Дробницкий, «эти нормативные регуляторы создаются посредством особой исторической деятельности людей (нормотворчества), совершающейся уже по поводу той “первичной” социально-практической деятельности, которую необходимо регулировать» [6, с. 221].

Целью данного исследования является анализ принципиальных изменений в социальном воображаемом, связанных с нормотворческой деятельностью индивидуальных и коллективных субъектов (нормотворческих переворотов).

Опираясь на данные европейской культуры, можно выделить по меньшей мере еще три периода смены ориентиров нормотворческого процесса, которые можно обозначить как, соответственно, моральный, религиозный и правовой нормативные перевороты. Кризисные проявления в современной общественной жизни предполагают очередную, четвертую по счету, смену ориентиров, однако с уверенностью судить о том, каким будет будущий переворот и что станет его нормативной основой, пока нельзя.

Материалы и методы

Теоретико-методологическим основанием исследования является системный подход. Для анализа нормотворческих переворотов используется концепт «социальное воображаемое», в частности, интерпретации, данные в трудах Ч. Тейлора и К. Касториадиса.

Обзор литературы

Социальное воображаемое представляет собой совокупность представлений каждого человека, как устроено общество, какой нормативный порядок (должное) характерен для него, какие способы социального взаимодействия приняты и легитимны и т. п. В социальном воображаемом переплетаются представления о должном и сущем, которые сформулированы не в кабинете философа или социального теоретика, но непосредственно в жизненном мире. Такие представления являются довольно устойчивыми и оказывают существенное влияние на социальную реальность.

Р. Хебрик и Т. Шлейхтриман в обзорной статье, посвященной исследованиям социального воображаемого, обращают

внимание на многообразии контекстов использования данного концепта: выполняется сравнительный анализ различных вариантов социального воображаемого в исторической перспективе, соотносятся виды социального воображаемого, существующих в одном времени, но в разном социокультурном пространстве; осуществляются прикладные исследования влияния различных медиа на конструирование социального воображаемого, особенностей социального воображаемого отдельных социальных групп и т. д. [21, р. 7–8].

Однако до настоящего времени социальное воображаемое не использовалось для исследования процессов нормообразования и нормотворчества. Нами предпринята попытка восполнить данный пробел.

Средством трансформации социального воображаемого является, помимо прочего, индивидуальная нормотворческая деятельность. Ч. Тейлор, анализируя феномен социального воображаемого, не использует понятие «нормотворчество», но фактически описывает один из механизмов изменения социального воображаемого и, впоследствии, социальных практик, который имеет творческую природу. По его мнению, такой способ изменения социального воображаемого связан с процессом появления новой социальной теории, которая обладает достаточным нормотворческим потенциалом, чтобы не только поддерживать, но и трансформировать социальную реальность: «Но что, собственно, происходит, когда теория вторгается в социальное воображаемое и преобразует его? Чаще всего люди, импровизируя, добровольно или принудительно, принимают новые практики» [15]. Новые практики в свою очередь трансформируют социальное воображаемое, и этот процесс никогда не прекращается.

Особо подчеркивает активный и конструктивный характер социального воображаемого К. Касториadis: «Воображаемое,

о котором говорю я, не есть образ чего-то. Оно представляет собой непрерывное, по сути своей необусловленное творчество (как общественно-историческое, так и психическое) символов/форм/образов, которые только и могут дать основание для выражения “образ чего-то”. То, что мы называем “реальностью” и “рациональностью”, суть результаты этого творчества» [8, с. 10]. История в этом отношении является процессом социально-исторического творчества идей и норм, а социальное воображаемое, согласно меткому выражению П. Джеймса, – изящным способом анализа социальных смыслов [22, р. 33].

Мы исходим из того, что социальные нормы появились на ранних этапах развития человеческого общества (возможно, одновременно с ним) и изначально были фактом преодоления «животного в человеке». Однако, как отмечают антропологи и биологи, человеческая нормативность, меняясь в ходе социальной эволюции, развивается по собственным законам и давно уже не выводится напрямую из наших природных, эволюционно обусловленных склонностей [12, с. 419–420].

Значимой характеристикой, оказывающей влияние на положение норм в структуре социального воображаемого, является их устойчивость. Известно, что «срок жизни» различных социальных норм может существенно отличаться. Так, религиозные нормы (особенно если речь идет о догматах ортодоксальных вероучений) существуют в неизменном виде веками. Устойчивость норм морали во многом зависит от вида норм: наиболее лабильны нормы профессиональной этики, в то время как универсальные нормы не менее (а, возможно, и более) «живучи», чем религиозные. Нормы права подвергаются изменениям довольно часто, особенно в периоды, когда общество переживает политические, административные, экономические, социальные кризисы. Положение тех или иных

норм в нормативно-ценностной иерархии социального воображаемого во многом зависит от их устойчивости. Так, традиционное общество опиралось на нормы религии и общечеловеческой морали, а динамично изменяющейся «текучей» современностью наиболее востребованы нормы права и профессиональной этики.

Устойчивость не единственная значимая характеристика, определяющая положение норм в системе социальной регуляции. В различных социокультурных контекстах в нормативный фундамент социального воображаемого закладываются разные типы норм, образуемые посредством различных механизмов (которые при переходе на более высокий уровень обобщения, впрочем, имеют сходство). В частности, К. Касториadis описывает иерархию нормативно-ценностного пространства при помощи понятий «центральное» и «периферическое» воображаемое. Последнее «...соответствует второй или энной переработке воображаемых символов, соответствует следующим слоям отложений. Икона – это символический объект воображаемого, но он наполняется другим воображаемым смыслом, когда верующие начинают соскабливать с нее краску и пить ее в качестве лекарства...» [8, с. 147]. Можно предположить, что центральное воображаемое устойчивее периферийного, однако последнее также обладает определенным нормотворческим потенциалом.

Иерархия норм в социальном воображаемом постоянно менялась. В отдельные периоды человеческой истории невозможно было помыслить социальные и индивидуальные практики, не регулируемые религиозными нормами; в иные – приоритет получали нормы права; иногда же нормы морали были как никогда сильны, и тезис «у каждого своя мораль» терял популярность.

Изменение социального воображаемого, а значит, и конфигурации норм в нем может осуществляться как эволюционным,

так и революционным путем. В некоторых случаях триггером изменений служат потребности и интересы коллективных субъектов или влиятельных индивидов. Однако, как отмечает Б. С. Шалютин, «...из самого факта необходимости в чем-либо это что-то автоматически не появляется. Человеку, отравленному ядом, необходимо противоядие. Но его может не быть в принципе, и тогда человек погибает» [16]. Помимо необходимости, порождаемой потребностями, триггером к изменениям может служить и периферийное воображаемое, если оно начинает влиять на массовые практики.

Существует и другая точка зрения на возникновение норм из социального воображаемого. Так, например, процедуру конструирования моральных норм (независимо от конкретных «технологий» ее осуществления) с деятельностью «свободной воли» – деятельностью, выступающей чаще всего под псевдонимом «нормотворчества», – критикует Л. В. Максимов. Он полагает, что если мораль есть продукт ничем не ограниченного «творческого созидания», если нормы морали могут в принципе обрести любое содержание, то это означает полное отсутствие каких-либо специфических содержательных признаков моральных ценностей либо вообще исчезновения морали как конкретного феномена [10, с. 14; 11, с. 118]. Многообразие взглядов на происхождение норм указывает на развитие морали, где каждое учение выдвигает и защищает собственные ценностно-нормативные своды, опирающиеся на жизненные практики.

Результаты исследования

Рассмотрим ряд нормотворческих переворотов, когда нормы во внутренней иерархии меняются местами, а также появляются новые нормы для нормотворчества, определяющие ключевые субъекты и механизмы нормотворческой деятельности.

Этап зарождения норм характеризуется появлением первых регуляторов, определявших характер социальных и социоприродных отношений. Фактически этот этап знаменует появление у первобытных народов начального социального воображаемого (которое, конечно, было еще крайне статичным и мифологичным).

Нормы на этом этапе еще не были дифференцированы на моральные, правовые, религиозные и т. д., т. е. имели синкретический, мононормативный характер.

Отметим, что некоторые исследователи выражают скептическое отношение к идее мононорм и, соответственно, к синкретическому подходу. Так, например, Т. В. Кашанина называет мононормы «научным вымыслом, фантазией ученых»¹, а Б. С. Шалютин полагает, что в догосударственных обществах уже наблюдалось многообразие норм и доказательством ошибочности идеи мононормы является «эволюционно-исторический взгляд на проблему», в рамках которого обосновывается начало формирования нормативности «вместе с формированием культуры» [16].

Впрочем, более распространены среди представителей различных отраслей гуманитарного знания представления об изначальном синкретизме норм.

«То, что мы называем правом, в архаическом мышлении с таким же успехом может именоваться волей богов или проявлением высших сил. Жребий, борьба и попытка убедить словом в равной мере служат вещественными доказательствами воли богов» [19, с. 136].

«...В неразвитом состоянии общества замечается однородность социальных норм, тогда как в дальнейшем ходе истории социальные нормы подвергаются закону дифференциации» [17, с. 145].

«...Учитывая синкретность... основных правил поведения в первобытном обществе, более удачным представляется термин “мононорма”, отражающий такую синкретность» [13, с. 214].

Классическим примером мононормы является табу. Табу как социальная норма имеет признаки и морального, и религиозного, и правового запрета. Его соблюдение обеспечивается групповым принуждением; воспроизводятся представления о сверхъестественной природе его источников; соблюдение и нарушение табу оценивается, соответственно, как «хорошо» и «плохо» (моральная оценка).

На синкретическом этапе, вероятно, индивидуальные субъекты осознавали себя только как члены своего рода [1, с. 13] и вне родовой общности себя не мыслили. Ценностный приоритет на этом этапе имеет не индивид, а группа. Соответственно носителем мононорм всегда является коллектив. Именно коллектив отвечает за воспроизводство норм, которые воспроизводятся изначально в неизменном виде, без творческого участия коллектива, который выполняет фактически охранительные функции, применяя санкции в отношении нарушителей мононорм. Однако впоследствии, с началом спецификации и дифференциации норм, осуществляется их расширенное воспроизводство, когда в нормативную регуляцию поведения и мышления человека привносятся новые характеристики, образуются уникальные практики, которые не порицаются, а поощряются.

В период становления ранних форм человеческих сообществ, когда последние постепенно обособлялись от природной среды, появились правила, используемые в однотипных повторяющихся ситуациях и

¹ Кашанина Т. В. Происхождение государства и права : учеб. пособие. – М. : Высшее образование, 2008. – 358 с.

становящиеся нормами. Позднее эти нормы специфицируются, начинают функционировать в разных ценностно-нормативных сферах, усложняются, детализируются и порождают новые практики.

Первая нормотворческая революция (моральный переворот) напрямую связана со смещением смысловых акцентов от коллектива к индивиду, который, вычлняя себя из группы, тем не менее должен соотносить свое поведение с интересами общества, нести ответственность перед другими.

Моральный переворот представляет новый исторический этап формирования системы социальной регуляции, на котором отдельные нормы интериоризируются, т. е. из внешних правил и табу превращаются в элементы личностного сознания. Такое освоение норм через механизм их индивидуальной ассимиляции «извне» в процессе становления и развития как человека, так и человечества может быть рассмотрено как творческий процесс распознавания, осмысления, принятия, придания чему-либо ценности. Ю. М. Бородай в работе «Эротика – смерть – табу» отмечает: «Подавляющее большинство нормальных людей ассимилирует общезначимые культурно-духовные нормы извне, делая их своими, “кровными”. В этом и состоит механизм идентификации – фундамент стабильности данного общества» [4, с. 395].

На определенном этапе развития общества эти присвоенные нормы получают новое качество. Они начинают восприниматься как голос собственной совести, приобретают системность и единство, т. е. оформляются в индивидуальное моральное сознание. Получив автономность, новоприобретенное моральное сознание в ряде ситуаций начинает противопоставляться древним коллективным нравам.

Изменяются ориентиры для регуляции социальных отношений: принцип талиона («око за око»), в котором индивид тракто-

вался как часть рода, сменяется золотым правилом морали («не делай другим, чего не хочешь себе»), требующим от человека совершать инициативные поступки, соотносясь с собственными представлениями о других и их желаниях. Источником морального действия становится автономный, свободный субъект, осознающий ответственность перед другими и место морали для общественной жизни.

Норма начинает восприниматься в качестве объекта рефлексии, обсуждения, конвенции. Так, например, Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях...» повествует, как Перикл и Протагор обсуждают несчастный случай, произошедший во время спортивных состязаний. Пятиборец, бросая дрот, нечаянно попал в зрителя и убил его. Перикл «по словам Ксанфиппа, потратил целый день, рассуждая с Протагором о том, кого, по существу, следует считать виновником этого несчастного случая, – дрот, или бросавшего, или распорядителей состязания» [14, с. 222]. Если для синкретического сознания такие рассуждения представляются бесполезными, то для морального сознания, а тем более правого, вопрос об индивидуальной ответственности имеет практическую значимость.

М. Гагарин, анализируя тексты Гомера, пишет, что в них обнаруживаются элементы морали как самостоятельного нормативного регулятора. При этом он интерпретирует мораль как отношение к другим, исключаящее эгоизм. Под другими понимаются не близкие люди, например друзья, и даже не все члены общества, поскольку в таких отношениях все еще есть элементы эгоизма, но те, кто нуждается в защите [20, р. 288–289].

У Гомера еще не было представлений о добродетели как индивидуальном благе, но он, как отмечает М. Гагарин, и не является философом. В то же время поведение гомеровских персонажей позволяет делать

определенные выводы о моральном сознании архаичного человека. По крайней мере, мораль здесь уже можно отличить от закона и религии [20, р. 292]. Так, правовые отношения были возможны только между полноправными членами общества, а религиозные – между смертными и богами, жрецами или смертными членами семьи богов. Моральные отношения и, соответственно, моральные нормы применяются в ситуациях, где сталкиваются члены общества и незащищенные люди (гости, просители, нищие) [20, р. 292–293]. В таких ситуациях намерения действующего субъекта приобретают принципиальное значение.

Моральный переворот характеризуется изменением характера императивности. Оптика морали позволяет совершать более точную индивидуальную настройку, чем механизм мононорм, учитывать не только содержание нормы (условия возникновения которой могли уже потерять актуальность), но и особенности ситуации ее применения. Как отмечает Р. Г. Апресян, «характер архаического морального мышления таков, что императивность носит в нем нарративно-ситуативный характер; большинство суждений относительно предпочитаемого, ожидаемого или надлежащего высказываются по частным случаям» [2, с. 133].

В текстах Гомера описываются ситуации такого рода, и, хотя моральные нормы уже обособляются от правовых и религиозных, они, тем не менее, еще не играют ведущую роль в иерархии нормативных регуляторов. Однако в более поздних текстах мораль становится главным инструментом оценки жизни полиса и его законов [20, р. 303].

Очевидно, что первоначально автономизация подобного рода происходила в единичном, а не массовом порядке. В эпоху «осевого времени» появились уникальные выдающиеся личности (пророки, мыслители, моралисты), закладывающие основы новых моральных систем. По мнению

Г. В. Ф. Гегеля, наиболее ярким проявлением этого процесса стала философия Сократа, а «центральный пункт всего всемирно-исторического поворота, составляющего сократовский принцип, является то, что место оракулов заняло свидетельство духа индивидуумов и что субъект взял на себя акт принятия решения» [5, с. 70]. Для европейской цивилизации первыми индивидуализированными субъектами нормотворчества стали такие выдающиеся мыслители, как Сократ, Платон, Аристотель и др.

Ведущей формой обоснования норм в таких условиях стала философия (в первоначальном понимании этого слова), а их развитие начало обеспечиваться уже не в борьбе родовых групп за выживание, а в теоретических дискуссиях различных школ и направлений философской мысли. Преимущества при этом получали те нормативные нарративы, в поддержку которых выдвигались убедительные аргументы как теоретического плана, так практического (на примере поступков философа и его жизни в целом, что предполагало выработку практик «заботы о себе»).

Таким образом, в ходе разложения архаичного сознания мораль превратилась в уникальный регулятор поведения и мышления человека, появились идея индивидуальной ответственности и нормативные механизмы ее реализации, человек начал ориентироваться не на внешние указания, а на собственную совесть. Общественные нормы и теоретические представления о нравственности, преломленные через свободу и разум, сформировали уникальное моральное «Я» человека.

Следующий цикл, сопровождающийся переходом от приоритета индивида к приоритету группы, связан с помещением в центр мира Бога, в основу ценностно-нормативной иерархии – религии (религиозный переворот). Рассмотрим особенности данного этапа на примере христианского нормотворчества.

Субъектами нормотворчества здесь являются, главным образом, Бог, соборы, представители религиозной элиты. Помимо догматов, или основных положений верования о природе Бога, церкви, конечности мира и др., возникает религиозное представление о морали и праве.

Последние сыграли особую роль в осуществлении очередного нормотворческого переворота, когда в центр ценностно-нормативного пространства попали права человека. Однако право начало восхождение к вершине нормативной иерархии в русле религиозного нормотворчества. Так, например, католический монах Иоанн Грациан, создавший *Concordantia discordantium canonum* (*Decretum Gratiani*), «...стал первым канонистом, который отказался от рассмотрения только теологических вопросов и сосредоточил свое внимание и на правовых аспектах церковной жизни» [9, с. 8].

Не стоит отказывать в значимости такому нормативному регулятору, как мораль, однако в эпоху религиозного нормотворческого переворота произошло принципиально важное смещение: преимущества перед индивидом снова получила группа. Несмотря на персоналистский характер христианской сотериологии, нельзя недооценивать значимость церкви, одной из характеристик которой является соборность.

Приоритет группы в религии как социальном нормативном регуляторе подчеркивает Э. Дюркгейм: «Религию составляют коллективные представления, которые отражают коллективную реальность, и коллективные практики, которые постоянно создают и воссоздают эту реальность» [7, с. 3].

К. Касториадис, рассуждая о появлении религиозных норм, подчеркивает сложность и ограниченность индивидуального нормотворчества, поскольку индивид не может создать социальный институт: «Сознание индивида способно производить свои частные фантазмы, но не институты.

Иногда может происходить соединение, примеры которого в истории нам известны. Это основатели религий или другие “выдающиеся личности”, чьи фантазмы заполнили зияние бессознательного других там, где это было необходимо» [8, с. 49]. Действительно, индивид может сотворить формулировку нормы, но для того, чтобы она стала социальной, необходимо, чтобы многие люди ее поняли и приняли, признали как ценность и начали ориентироваться на нее в практической деятельности.

Также К. Касториадис обращает внимание на то, что религиозное нормотворчество не осуществляется в ценностно-нормативном вакууме. Процесс нормообразования происходит в уже существующем социальном воображаемом. Исследователь отмечает: даже если нормотворческая деятельность пророка направлена на разрушение имеющихся институтов, «...он опирается на них в своей деятельности. Все религии, генезис которых нам известен, суть лишь трансформации предшествующих религий или же содержат значительную долю синкретизма» [8, с. 162].

Религиозное нормотворчество фактически не прекращается до настоящего времени, хотя религия иерархически уступает иным нормативным социальным регуляторам. Так, например, в Русской православной церкви субъектами нормотворчества являются Поместный собор, Архиерейский собор и епископ (низшая нормотворческая инстанция). Нормативные документы, разрабатываемые и принимаемые данными субъектами, отражают специфику взаимодействия церкви с обществом и государством. В то же время сохраняется приоритет группы перед индивидом. Это связано в том числе с такой особенностью религиозного нормотворчества, как запрет на противоречия Священному Писанию и каноническому корпусу православной церкви. В канонический корпус входят Правила

Святых Апостолов, каноны шести Вселенских и десяти Поместных соборов и правила 13 Отцов². Новые нормы, как и древние, должны соответствовать первоисточнику религиозных норм – Божественной воле.

Если обратиться к особенностям религиозного нормотворчества Русской православной церкви на современном этапе, необходимо отметить следующие особенности: догматическое нормотворчество не осуществляется; новейшие нормативные документы Церкви содержат положения, имеющие правовой и моральный характер, однако их можно отнести именно к религиозным нормам, поскольку они адресуются верующим и соответствуют первоисточнику религиозных норм, каноническому корпусу и т. п.

В Новое время произошел очередной нормотворческий переворот: мировоззренческое преимущество снова получил индивид, но в ценностно-нормативной иерархии сакральное в нормах заменилось на рациональное, антропоцентрическое, утилитарно-инструментальное. Ведущее положение получил концепт «права человека» (правовой переворот). Право не поглощает собой мораль и религию, но становится ключевым нормативным регулятором, что оказывает влияние и на иные системы социальных норм. Активизируются процессы юридизации морали (ярким примером является философия Канта) и религии (например, «Кодекс канонического права» католической церкви). Субъектом нормотворчества является человек, и даже если отдельные элементы нормотворческого процесса осуществляются коллективными субъектами, можно попытаться установить степень творческого вклада каждого из них в создаваемую, изменяемую или отменяемую норму. Принятие данного тезиса требует отказа от право-

вого этатизма, т. е. лишения государства монополии на право.

Б. С. Шалютин, осуществляя экскурс к моменту возникновения права, рассматривает правогенез на временной шкале наряду с возникновением общества и государства [16]. И. А. Арзуманов акцентирует внимание на иных началах: «Право в его общесоциальном и позитивно-правовом смыслах, являясь одним из основных регуляторов общественных отношений, имеет цивилизационно-культурные истоки» [3, с. 19]. Но при этом Б. С. Шалютин описывает правообразование, а И. А. Арзуманов – правотворчество. Вероятно, понятие «правообразование» шире и включает не только правотворчество, правовое нормотворчество, но и правогенез.

Нововременной правовой переворот произошел как в позитивном праве, формализованном государством, так и в тех правовых пространствах, которые существуют автономно, помимо государства. К этому моменту, безусловно, сформировались и индивидуальная, и групповая правосубъектность. Однако изменилась интерпретация автономии индивида. Автономия провозглашается И. Кантом как ключевой моральный принцип. Личность автономна только тогда, когда разумная воля устанавливает универсальные нормы. Если же воля является самозаконодателем, но результат ее нормотворческих усилий не универсализуется, то автономия разрушается.

Для правового переворота характерно и стремление обладать миром. Одно созерцания и религиозного поклонения уже не хватает. Как пишет М. Хайдеггер, «основополагающий процесс Нового времени – завоевание мира, ставшего образом... Составляя образ, человек борется за то свое положение, где бы он мог, будучи сущим, задавать свою меру и предначертывать направление всему сущему» [18,

² Цытин В. (протоиерей). Курс церковного права : учебник. – Клин : Христианская жизнь, 2004. – 704 с.

с. 281]. Право оказалось наиболее успешным соционормативным инструментом по сравнению с моралью и религией, подходящим для целей завоевания мира. Оно позволяет упростить картину мира настолько, что даже правовые неопределенности со временем поддаются классификации, кодифицированию и иным формам упорядоченности. Кроме того, будучи наиболее лабильными из всех социальных норм, правовые нормы способны быстро приспосабливаться ко всё более текучему бытию современности.

Необходимо отметить, что, несмотря на долговременное превалирование юридического позитивизма в мировоззрении юридического сообщества, особенно на постсоветском пространстве, понятию естественного права также уделяется много внимания, что способствует углублению понимания правового нормотворческого переворота и его влияния на современные концепции права.

Ч. Тейлор полагает, что модерн знаменуется обогащением социального воображаемого новыми образами, которые трансформируют и структуру общества, и социальные практики, и их ценностно-нормативное обоснование. Эти образы строятся на идеях отказа от иерархии в пользу равноправия и взаимного уважения [23, р. 7–8]. Без этих идей был бы невозможен правовой переворот. Идея закона, утверждающего равноправие только в силу принадлежности к человеческому роду, надолго утвердилась в социальном воображаемом. К. Касториadis подчеркивает, что важно не только принимать закон, но и проявлять волю к законодательному сотворчеству. В противном случае человек попадает в ситуацию инфантилизма, а «инфантилизм – это прежде всего желание получать не давая, за которым следует действие, существование с целью получать» [8, с. 110].

Отметим, что в современной российской правовой системе предусмотрены механизмы участия в нормотворческой деятельности не только компетентных лиц, но и населения в целом, однако это требует выделения степеней правового нормотворчества в зависимости от вклада субъектов нормотворчества в появление, изменение или отмену норм права. Так, наибольшая степень нормотворчества проявляется на этапе формирования идеи о создании, изменении или отмене правовой нормы (можно предположить, что созидательная идея обладает наибольшим нормотворческим потенциалом). Следующая степень – формулировка нормы (перевод с обыденного языка на юридический); далее – поэтапное обсуждение формы и содержания нормы (например, обсуждение и критика норм в процессе прохождения чтений законопроекта в Государственной Думе РФ) и, наконец, голосование.

Население может осуществлять нормотворческую деятельность посредством участия в референдумах (включая местные) или изъявлять нормотворческую волю в иных формах. Так, например, с 25 июня по 1 июля 2020 г. проводилось общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации. Поправки были представлены в Законе РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Однако согласно ч. 4 ст. 3 этого закона поправки вступают в силу только в случае, если они получают одобрение в ходе общероссийского голосования³. Это свидетельствует о нормотворческом характере процедур общероссийского голосования.

Для населения доступно не только голосование. Существуют различные механизмы

³ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

участия граждан в обсуждении правовых норм: нулевые чтения, общественные слушания, общественная экспертиза. Например, нулевые чтения проходят в региональных Общественных палатах субъектов Федерации, далее сформулированные предложения и замечания рабочих групп по нулевым чтениям могут быть использованы законодателем для усовершенствования норм.

Также граждане имеют возможность принять участие в формулировании идеи правовой нормы. Примером реализации такой возможности является интернет-ресурс для размещения общественных инициатив граждан Российской Федерации и голосования по ним – Российская общественная инициатива (РОИ). Помимо общественных инициатив, существуют и нормативно урегулированные способы нормотворчества граждан. Так, согласно ст. 33 Конституции Российской Федерации граждане, хотя и не обладают законодательной инициативой, «имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления»⁴. Кроме того, согласно ч. 1. ст. 6 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» право законодательной инициативы в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации может быть предоставлено гражданам, проживающим на территории субъекта Российской Федерации⁵.

Обсуждение и заключение

Современный социальный мир стоит на пороге очередного нормотворческого пере-

ворота, а, возможно, уже находится в его эпицентре. По крайней мере, отчетливо наблюдается цикличность: индивида из центра мироздания вместе с его правами теснят группы со своими правами и борьбой за признание, и напротив, индивид отстаивает перед группой свои права и ценность индивидуальной свободы. Однако в ценностно-нормативной иерархии наблюдается высокий уровень неопределенности. Правовые, моральные и религиозные нормы вступают в сложное взаимодействие друг с другом, обозначая сферы не только естественной, но и искусственной социальности, создаваемой автономными интеллектуальными системами. Это взаимодействие не всегда проходит бесконфликтно, поэтому можно описать несколько возможных сценариев современного нормотворческого переворота: сохранение приоритета права, если будут найдены действенные механизмы сохранения паритета прав человека и прав группы; возвращение к приоритету морали или религии, но на качественно новом уровне, и, наконец, возвращение к синкретизму, который, разумеется, не вернет нас в мифологическое прошлое, но приобретет принципиально новые черты.

Так, например, один из новейших документов Русской православной церкви, принятый на Архиерейском соборе в 2004 г. (Архиерейский собор, согласно гл. 3 Устава РПЦ, является субъектом нормотворчества)⁶, – «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» – содержит нормы, имеющие смешанный характер, которые являются значимыми и обязательными к исполнению только для тех, кто идентифицирует себя как православный. Так, развод осуждается Церковью как грех, однако приводится перечень допустимых

⁴ <http://www.constitution.ru>.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

⁶ Устав Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/133124.html>.

оснований для развода с учетом принципа икономии, позволяющего проявлять снисхождение в реализации отдельных видов религиозно-нравственных практик.

Разумеется, это далеко не все возможные варианты развития событий в ценностно-нормативном пространстве. Эти события

могут быть значимыми в представлениях носителей определенного правопонимания, религиозных убеждений, морального сознания. Исследование процессов нормотворчества может помочь разобраться с отдельными проблемами сложнопрогнозируемой полифоничной действительности.

Библиографический список

1. Аннерс Э. История европейского права. – М. : Наука, 1994. – 397 с.
2. Апресян Р. Г. Нравоперемена Ахилла: к первичному генезису морали // Философский журнал. – 2011. – № 1 (6). – С. 115–133.
3. Арзуманов И. А. К вопросу о методологических подходах исследования государственно-правового регулирования этноконфессиональных общественных отношений // Теория государства и права. – 2019. – № 1. – С. 19–25.
4. Бородай Ю. М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. – М. : Гнозис ; Русское феноменологическое общество, 1996. – 416 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. – СПб. : Наука, 2000. – 480 с.
6. Дробницкий О. Г. Моральная философия : избранные труды / сост. Р. Г. Апресян. – М. : Гардарики, 2002. – 523 с.
7. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 736 с.
8. Касториадис К. Воображаемое установление общества : пер с фр. / пер. Г. Волковой, С. Офертаса. – М. : Гнозис; Логос, 2003. – 480 с.
9. Кондратьева А. Н. Некоторые особенности нормотворчества в средневековой Западной Европе (на примере создания глосс к «*Decretum Gratiani*») // Российский хороший журнал. – 2019. – № 2. – С. 6–12.
10. Максимов Л. В. О субъективистских течениях в современной философии морали // Этическая мысль. – 2016. – Т. 16. – № 1. – С. 3–15.
11. Максимов Л. В. Универсальность морали как ее единственность // Мораль и универсальность : сборник научных статей. – М. : Гуманитарий, 2018. – С. 107–127.
12. Марков А. В. Эволюция человека : в 2 кн. Кн. 1 : Обезьяны, кости и гены. – М. : Астрель : CORPUS, 2011. – 464 с.
13. Перишц А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. – М. : Наука, 1979. – С. 210–240.
14. Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 3 т. – М. : АН СССР, 1961. – Т. 1. – 504 с.
15. Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое? [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 1. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/1>. – Загл. с экрана (Дата обращения: 17.09.2020).
16. Шалютин Б. С. Правогенез : основные позиции и аргументы (критический анализ) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.academia.edu/33133013/Правогенез_основные_позиции_и_аргументы_критический_анализ_. – Загл. с экрана. (Дата обращения: 22.06.2020).
17. Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. – М. : Статут, 2016. – 752 с. – (Юристы, изменившие право, государство и общество.)
18. Хайдеггер М. Время картины мира // Исток художественного творения / пер. с нем. А. В. Михайлова. – М. : Академический Проект, 2008. – 528 с.
19. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова. – СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.
20. Gagarin M. Morality in Homer // Classical Philology. – 1987. – Vol. 82. – No. 4. – P. 285–306.
21. Herbrink R., Schlechtriemen T. Editorial for the special issue “Scopes of the Social Imaginary

- in Sociology” [Electronic resource] // In the ÖZS. Österreich Z Soziol. – 2019. – Vol. 44. – P. 1–15. – URL: <https://doi.org/10.1007/s11614-019-00370-3>.
22. James P. The Social Imaginary in Theory and Practice [Electronic resource] // Hudson C., Wilson E. (eds). Revisiting the Global Imaginary. – Palgrave Macmillan, Cham, 2019. – P. 33–47. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-14911-6_3.
23. Taylor C. Modern social imaginaries. – Durham : Duke Univ. Press, 2004. – 215 p.

References

1. Anners E. History of European law. Moscow, 1994, 397 p. (In Russ.).
2. Apresyan R. G. Moral change of Achilles: to the primary genesis of morality. *Filosofskij zhurnal* = Philosophical journal. 2011; 1(6): 115–133. (In Russ.).
3. Arzumanov I. A. To the question of methodological approaches to the study of state-legal regulation of ethno-confessional social relations. *Teorija gosudarstva i prava* = Theory of state and law. 2019; 1: 19–25. (In Russ.).
4. Borodai Yu. M. Erotica – death – taboo: the tragedy of human consciousness. Moscow, 1996, 416 p. (In Russ.).
5. Hegel G. W. F. Lectures on the history of philosophy. Saint Petersburg, 2000, 480 p. (In Russ.).
6. Drobnitskiy O. G. Moral philosophy: selected works. Moscow, 2002, 523 p. (In Russ.).
7. Durkheim E. Elementary forms of religious life. Totemic system in Australia. Moscow, 2018, 736 p. (In Russ.).
8. Kastoriadis K. The Imaginary Establishment of Society. Moscow, 2003, 480 p. (In Russ.).
9. Kondratyeva A. N. Some features of rule-making in medieval Western Europe (on the example of creating a gloss to “Decretum Gratiani”). *Rossijskij horoshij zhurnal* = Russian good journal. 2019; 2: 6–12. (In Russ.).
10. Maksimov L. V. About subjectivist trends in modern philosophy of morality. *Jeticheskaja mysl'* = Ethical thought. 2016; 16(1): 3–15. (In Russ.).
11. Maksimov L. V. Universality of morality as its uniqueness. *Morality and universality: coll. of scient. art.* Moscow, 2018, P. 107–127. (In Russ.).
12. Markov A. V. Human evolution: in 2 books. Book. 1: Monkeys, Bones and Genes. Moscow, 2011, 464 p. (In Russ.).
13. Pershits A. I. Problems of normative ethnography. *Studies in general ethnography.* Moscow, 1979, P. 210–240. (In Russ.).
14. Plutarch. Comparative biographies: in 3 vol. Moscow, 1961, Vol. 1, 504 p. (In Russ.).
15. Taylor Ch. What is the social imaginary? [Electronic resource]. *Neprikosnovennyj zapas* = Emergency reserve. 2010. 1. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/1>. (Accessed 09/17/2020). (In Russ.).
16. Shalyutin B. S. Law genesis: basic positions and arguments (critical analysis) [Electronic resource]. Available at: https://www.academia.edu/33133013/Pravogenesis_base_points_and_arguments_critical_analysis. (Accessed: 22/06/2020). (In Russ.).
17. Shershenevich G. F. Selected: in 6 vol. Vol. 4 including General theory of law. Moscow, 2016, 752 p. (In Russ.).
18. Heidegger M. Time of the picture of the world. Moscow, 2008, 528 p. (In Russ.).
19. Heizinga J. Homo ludens. Man playing. Saint Petersburg, 2011, 416 p. (In Russ.).
20. Gagarin M. Morality in Homer. *Classical Philology.* 1987; (82)4: 285–306. (In Eng.).
21. Herbrük R., Schlechtriemen T. Editorial for the special issue “Scopes of the Social Imaginary in Sociology”. In the ÖZS. Österreich Z Soziol. 2019; Vol. 44: 1–15. <https://doi.org/10.1007/s11614-019-00370-3>. (In Germ.).
22. James P. The Social Imaginary in Theory and Practice. In: Hudson C., Wilson E. (eds) Revisiting the Global Imaginary. Palgrave Macmillan, Cham, 2019, P. 33–47. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-14911-6_3. (In Eng.).
23. Taylor C. Modern social imaginaries. Durham: Duke Univ. Press, 2004. 215 p. (In Eng.).

Поступила 10.11.2020.

Сведения об авторах

Коваль Екатерина Александровна – доктор философских наук, профессор, кафедра уголовно-процессуального права и криминалистики, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: социальная нормативность, общественное воспроизводство, социальное нормотворчество. Автор более 130 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>.

E-mail: nwifesc@yandex.ru

Сычев Андрей Анатольевич – доктор философских наук, профессор, кафедра философии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: философия культуры, прикладная этика. Автор более 250 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>.

E-mail: sychevaa@mail.ru

Жадунова Наталья Владимировна – кандидат философских наук, декан, факультет дополнительного образования, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: прикладная этика, социальное нормотворчество. Автор более 80 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>.

E-mail: zhadunovan@mail.ru

Submitted 10.11.2020.

About the authors

Ekaterina A. Koval – Doctor of Philosophy, Professor Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics, Middle-Volga Institute (branch) of Russian State University of Justice (MOJ Russia RPA) (Saransk, Russia). Research interests: social normativity, social reproduction, social norm-creating. The author has more than 130 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0069-5335>.

E-mail: nwifesc@yandex.ru

Andrey A. Sychev – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: philosophy of culture, applied ethics. The author has more than 250 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3757-4457>.

E-mail: sychevaa@mail.ru

Natalia V. Zhadunova – Candidate of Philosophy, Dean, the Faculty of additional education, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), Ph.D. (Philosophy), Research interests: applied ethics, social norm-creating. The author has more than 80 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9058-0488>.

E-mail: zhadunovan@mail.ru